„Уложение“ 1649 года закрепило приказный характер судопроизводства с господством следственного (розыскного) процесса, при котором роль судьи очень выросла. Судья производит следствие до тех пор, пока находит нужным собирать доказательства, пока в его руках не окажется достаточный материал для вынесения приговора, независимо от желания сторон. Следствие не связано обрядностями, как это было при обвинительном процессе. При следствии очень широко применяется очная ставка, которая непременно сопровождается расспросом тяжущихся. Отношение к свидетельским показаниям меняется: они уже не имеют такой безусловной силы, какой обладали при обвинительном процессе. В „Уложении“ чувствуется недоверие к правдивости свидетельских показаний. Из ордалий поле исчезает вовсе, присяга и жребий остаются, но применение присяги суживается, она допускается только в исковых делах и только по второстепенным пунктам. Зато сильно возрастает значение письменных доказательств, они начинают играть главную роль в процессе. Вместе с тем очень расширяется делопроизводство. Дело начинается с челобитной, которая пишется по установленной форме, открываясь словами: „Государю, царю и великому князю...“. Далее излагается суть просьбы, и заканчивается она восклицанием: „Царь, государь, смилуйся, пожалуй!“.[1] Всякий акт излагается письменно, изложение судебного дела занимает целый ряд листков бумаги, которые подклеиваются один под другим и свернутые в трубку образуют „столбец“, достигающий нередко значительной величины. Движение дела намеренно затягивается с целью вымогания взяток, появляется специальный термин: „московская волокита“.

Если мы обратимся к судному делу о Ерше и рассмотрим характер изображаемого в нем процесса, то увидим, что он приближается к обвинительному процессу, характерному для XVI века. В самом деле, судьи, производящие рассмотрение дела, держат себя очень пассивно: они лишь опрашивают стороны, распоряжаются о доставке в суд „общей правды“, и только после показания этой „общей правды“ задают вопрос о наличии „крепостей“ на Ростовское озеро. Выслушав свидетельство „общей правды“, судьи выносят решение.

Переписчики XVII века запутали это изложение обвинительного процесса вставками в него, которыми хотели приноровить устаревший текст к современным им приказным порядкам. Вот почему в списках XVII века „Судного дела Леща с Ершом“ рядом с судьями появляются боярин Осетр и окольничий Сом, неудачно повторяющиеся в конце списка в качестве свидетелей. В глазах переписчиков XVII века дело происходит уже в приказе; поэтому они упоминают то о „Разряде“, в котором переписываются ершовы „животы“, то о „Печатной палате“, из которой выдавалась „правая грамота“ Лещу на Ерша, то, излагая приговор судий, записывают, что они велели Ерша „из приказу выслать вон“; а в конце перечисляют штат приказа. Особенно сильна приказная окраска в списках третьей редакции, в которой протограф переработан в духе приказного делопроизводства значительно сильнее, чем в остальных редакциях. Челобитная о Ерше в этой редакции изложена совершенно безукоризненно, строго следуя форме приказных челобитных, и несомненно вышла из-под пера хорошего подьячего. В допросе, которому судьи подвергают Ерша, видно влияние следственного процесса. Согласно ему, на первое место ставятся пись-

---

[1] Форму челобитных XVI и XVII веков см.: Акты юридические. СПб., 1838, №№ 32, 37—41.